

СКОЛЬКО ПУТЕЙ ПРОЛОЖИЛА ДЛЯ НАС ИСТОРИЯ?

I

Большинству людей свойственно стремление к стабильности, когда окружающая действительность привычна, понятна, не требует менять стереотипы поведения. Бурные процессы конца XX в. в нашем обществе разрушили сложившуюся за несколько десятилетий, ставшую привычной картину мира. Отсюда – мучительные поиски ответов на вопросы: “Что происходит? Куда мы идем? Не лучше ли вернуться в недавнее, такое понятное прошлое?”.

Логично и естественно стремление разрешить возникшие проблемы обращением к историческому опыту. Но поскольку всё в жизни взаимосвязано и во времени, и в пространстве, надо изучать прошлое во всей его полноте и длительности, что, естественно, требует высокого профессионализма. На частные или некорректно поставленные вопросы история представляет также частные или неточные ответы. Ибо, как удачно заметил И.Бродский, смысл истории – в существе структур, а не в характере декора [1, с. 394]. Надо докапываться до сути явлений. Звучит банально. Но именно широкий общественный интерес к истории породил легковесное, панибратское отношение к ней. Не только публицистику, но даже и научные издания заполнили материалы, в которых серьезные умозаключения нередко делаются на основе отрывочных, неполных знаний, несистемного подхода, выдергивания отдельных явлений из общего контекста исторического процесса.

Такая, в общем-то печальная ситуация не должна, однако, удивлять. Долгое господство одной идеологической концепции отсекало многое как из наследия дореволюционных российских историков, так и из известных, но “классово чуждых” достижений зарубежной исторической науки. В последнее время открылся простор для любых подходов и концепций в гуманитарных науках. Однако, если в прежние, советские времена из-за идеологического давления большинство ученых стремилось дистанцироваться от политики, то теперь политическая ангажированность уже не является признаком дурного тона [2, с. 160]. Нередко, однако, при таком плюрализме авторы просто не успевают привести ту или иную концепцию в соответствие с историческими фактами, особенно, если такая концепция резонирует с политическими воззрениями ее адепта. В итоге нарастает спекулятивное использование истории. Ссылками на нее аргументируются не только нечеткие, но и далекие от реалий идеи, которые у дилетантов рождают и вовсе фантастические видения.

Обратимся к публикациям. Они выбраны из разных по характеру изданий последних лет. Но во всех озвучивается по сути один тезис, внешне логичный, исходящий будто бы из нашего исторического опыта, основанный, однако, на неполном учете общеисторических процессов. Речь идет об идее третьего пути, об исторической миссии нашего общества, сложившегося между классическим Западом и не менее классическим Востоком. При этом, если традиции Востока признаются близкими и понятными, так называемая западная модель развития, западная цивилизация объявляется не только нам чуждой, но и лишенной исторической перспективы. Анализируя рассмотренные ниже материалы, постараюсь

показать, как в них реальные и бесспорные факты причудливо переплетаются с неточностями и ведут к неверным выводам.

В зависимости от темперамента авторов такие взгляды излагаются или по академически спокойно и обстоятельно, или публицистически заостренно. Поскольку истину легче усвоить в крайних ее проявлениях, начнем о последних.

К ним можно отнести статью молодого философа Ю.Краснова о миссии Беларуси в современном мире [3], начинающуюся с прямо-таки апокалиптического утверждения о близости мирового кризиса из-за антропогенной нагрузки на природу [3, с. 5]. Причиной грядущей экологической катастрофы автор называет “социокультурный проект Нового времени (XVII-XVIII вв.)”, в который включает идеологию прогресса, научный рационализм, идеи верховенства культуры над бытием, светского гуманизма [3, с. 6]. По сути сюда включена вся духовная культура зародившегося в Западной Европе капитализма, то есть основы современной западной культуры вообще. Автор, правда, добавляет сюда и кризис коммунизма как восточного варианта развития того же “проекта”. Едва ли правомерно валить оба эти “изма” в одну кучу, ибо реальный, а не философский коммунизм сложился отнюдь не на западноевропейской основе, для которой он остался маргинальным явлением, противоположным западной исторической парадигме. Но это – особый сюжет, требующий самостоятельного разбора. Здесь же отметим как факт эклектичность, характерную для работ подобного рода.

Далее Краснов пишет о кризисе идеологии прав человека, которые подчиняются глобальным идеям [3, с. 3]. В этом выводе (без аргументации, разумеется) уже виден результат отмеченного эклектизма (или небрежной торопливости?). Ведь если для реального коммунизма права человека всегда были несущественны, то для западного общества такой вывод едва ли правомерен. Автор, правда, ссылается на выводы Римского клуба [3, с. 6]. Но где он теперь? Европейские реалии 90-х г.г. динамично меняются. Географическое расширение объединенной Европы повышает ее устойчивость. Характерная для западной (или теперь северо-атлантической) цивилизации ориентация человеческих интересов на материальное благополучие отнюдь не подавляет личность, а, как и протестантская этика эпохи раннего капитализма, воспитывает столь необходимое каждому трудолюбие и через него – материальную независимость как гарантию прав личности.

Из благосостояния граждан формируется и общественное богатство. И, как показывает практика, экологические проблемы, которых накопилось множество и которые действительно порождены техническим развитием Запада, им же, благодаря накопленным средствам, начинают решаться. Кстати, не случайно и возникновение в свое время именно Римского клуба, то есть движения прежде всего западных интеллектуалов и политиков. И то, что он к нынешнему времени практически рассосался – свидетельство того, что его идеи о необходимости предотвращения экологической катастрофы услышаны и перешли в практическую деятельность международных правительственных организаций. (Вспомним решения об установлении квот на вредные выбросы, принятые именно по инициативе западных стран).

Как видно, рассмотренные аргументы Краснова весьма неосновательны. И вот на таких, довольно шатких основах автор делает глобальные выводы. Коль западный путь ведет к катастрофе – нужен иной, направленный к созданию общества на идее управления и планирования [3, с. 10], в котором восточная идея верховенства общественных обязанностей соединилась бы с идеей свободы личности [3, с. 11]. А как? Ведь и коммунистическая идея, по большому счету, была мечтой о том же: путем централизованной организации общественной жизни – к человеческому счастью. Автор, правда, выводит эту идею из карма йоги. Но ведь идеал йоги – нирвана, то есть достижение гармонии

через отказ от физических желаний. И это идеал для всех? Своеобразное понимание свободы личности! Правда, в отличие от коммунизма йога отрицает насилие. Но в реальной жизни большинство восточных сект также оказывается не менее тоталитарными...

Следующий вывод Краснова не менее "логичен": в авангарде движения по предлагаемому им пути должна стать Россия, ибо у неё есть "национальная идея". Суть ее автор не раскрывает, но видит в современном положении России ("смутном времени") преимущество как перед капиталистическим Западом, так и перед коммунистическим Китаем. Автор констатирует крах перестройки, который видит в разочаровании русских в демократии, рынке и других западных ценностях. И заключает – это хорошо [3, с. 12].

Вот так походя, безо всякого анализа автор расправился со сложнейшими процессами и даже увидел их результаты. Такая оценка простительна для так называемого человека с улицы, то есть дилетанта в обществоведении, но не для учёного. Банально напоминать, за 10 лет подавляющее большинство советских людей, никогда не живших ни при реальной демократии, ни в условиях рыночного хозяйства, просто не сумели понять их суть. Ведь если дети говорят, что им в школе неинтересно, мы не отвечаем, что это хорошо и школа нам не нужна.

Где же логика философа? Не случайно следующий вывод об особом пути автор обосновывает астрологически: "и звезды помогают России..." [3, с. 13]. После такого поворота в научной статье уже не удивляет оправдание особенности Беларуси маргинальностью ее культуры, неотягощенностью ее прошлым и тому подобное [3, с. 13]. И это серьезно? А ведь из этого – следующий вывод: неотягощенность прошлым, нейтральность между Западом и Востоком, то есть неангажированность никакими традициями, делает место Беларуси особым как инициатора "славянского прорыва". А куда "прорыв"? К "третьему пути", через отказ от сценария догнать Запад, ибо это нереально, через разработку некоей ноосферной модели, соединенной с православием и славянской идеей добиться опережающего развития [3, с. 13].

Каюсь, я не понял, о чем здесь речь. Всё это настолько иррационально, что едва ли может называться наукой, хотя и опубликовано в научном сборнике, что и придает идеям Краснова необходимую весомость. Ведь наука еще имеет общественный авторитет (вот и В.Жириновский захотел стать доктором философских наук).

Может и жестко, но к месту звучит приведенная как-то известным русским историком и философом Л.П.Карсавиным поговорка из немецкой научной среды конца XIX в.: "Кто не способен на что-либо путное, тот занимается методологией" [4, с. 61].

Но нередки и более серьезные исследования, в которых, однако, наука остается служанкой взглядов авторов, теряющих, возможно незаметно для себя, научную объективность. Обратимся к статье востоковеда Ф.Б.Белелюбского [5]. Пафос статьи тот же. Еврокапитализм не победил Восток [5, с. 114]. Россия к западной модели не готова. У нее свой путь [5, с. 119]. Но за аргументами автор обращается не к звездам и абстракциям, а к историческим реалиям. Он справедливо напоминает, что "всякая теория полезна, если она помогает понять факты. Ведь объяснение – функция науки" [5, с. 113]. И далее автор рассматривает дихотомию Восток-Запад. Он признает специфику истории Востока в соединении власти и собственности, что вело к монополизации власти на средства производства и формированию деспотического государства [5, с. 114]. Но подчеркивает, что стремление к государственной эксплуатации населения – универсальное, присущее не только Востоку, но и Западу. Везде государственный аппарат стремился совместить управление с эксплуатацией, то

есть сделать власть безграничной. Но на Западе это не удалось. Помешали и ставшие самостоятельными города, и церковь, и народные движения, и отсутствие угрозы опустошительных набегов кочевников. В итоге Запад и Восток сравнить некорректно – у них разные темпы развития. На Востоке власть все же получила в свои руки экономику. В Японии этого не произошло и она отличается от остального Востока [5, с. 115-116].

Под этими констатациями, думаю, подпишется любой историк. Как и под тем, что социализм возник на базе архаических, докапиталистических, “азиатских” структур в российском и китайском обществах [5, с. 118]. Автор справедливо пишет, что эту архаику надо изживать [5, с. 119]. Но как?

Западный путь, как и японский, нам не подходит, считает Белелюбский. Психология не та, опять же – традиции... Надо искать другие варианты [5, с. 119-121]. Что ж, чужой многовековой опыт нам не впрок. Лучше опять искать черную кошку в темной комнате. А есть ли она там?

Ищут... Мечтают... Но не найдя еще ничего конкретного, вновь и вновь пишут об особой миссии России. И даже, в отличие от Краснова, пытаются, как Белелюбский, аргументировать конкретно-исторически. Но как? Продолжим экскурс.

Обратимся к недавно представленному “евразийскому проекту” маститого философа А.С.Панарина [6. См. также 2]. Он признаёт технологические преимущества Запада, признаёт, что он вырвался вперед в сравнении с другими цивилизациями. Казалось бы, серьезный исследователь, анализируя приемлемость или же непригодность для нас западного опыта, должен выяснять истоки феномена западного динамизма. Но автор, вместо этого, после общих рассуждений о технократизме Запада и духовности Востока (безо всяких, кстати, доказательств этого) переходит к критике попыток “вестернизации” России, ибо при этом запасная культура сюда не может быть перенесена адекватно, а местные культурные традиции будут разрушены [6, с. 75]. Так значит, если меняющаяся жизнь не укладывается в давно сложившиеся рамки, то тем хуже для жизни? Не превращается ли традиционализм в прокрустово ложе? А ведь такое мнение весьма популярно. Другой философ, А.В. Малашенко, пишет, что в итоге будет уже не Россия, а другое общество. И, рассуждая о таком возможном результате “вестернизации”, ставит вопрос: “Хорошо это или плохо?”, отвечая: “Решать не мне” [7, с. 178]. С точки зрения историка такой ответ логичен. Наша задача – выяснить, как было, а не выносить приговор. Но вот как было – надо знать досконально. А из истории известно, что восприятие западного опыта не обязательно разрушало другое общество. Например, Япония с середины XIX в. много воспринимавшая с Запада, сохранила свою самобытность и даже облекла это в концепцию: “японская душа – европейская наука и техника” [8, с. 18]. И, как известно, не потеряла ни свою духовность, ни “особость”.

А чем же плох западный опыт для нас? Может, прав Л.Б.Алаев, отметивший, что позиция: нам не надо стремиться стать богаче, ибо догнать Запад в материальном отношении невозможно, а русскую “духовность” можно потерять – это позиция лисы, которой не нравится виноград, так как он высоко висит. И тут же добавивший – еще Будда понял, что нищета – не гарант духовности [9, с. 188]. Кстати, духовность, как она обсуждается в соответствующей литературе, представлена такой загадочной, даже мистической категорией, что ее научное толкование становится невозможным. Так уместно ли такое ее употребление в серьезных научных работах?

Вернемся к конкретике. Не приемля “вестернизацию”, но сознавая, что сохранение прежней исторической парадигмы в рамках восточных (обобщенно) цивилизаций ведет в тупик, Панарин отрывается от научной почвы и обращается всё к той же миссии России, но в рамках не панславизма, что реакционно, а

через евразийский проект, основанный на признании цивилизационного многообразия [2, с. 164; 6]. Но так как автором не был предложен научный анализ особенностей западной и восточной цивилизаций, проект выглядит весьма общо и потому утопично. Не дело историка, как и философа, работающего с историческим материалом, заниматься футурологией. Он здесь неубедителен.

Конкретнее в анализе миссии России попытался быть мой коллега по университету Г.В.Ридевский [10]. Но не разобравшись в специфике становления западноевропейской цивилизации, о чём мне уже доводилось писать [11], автор увидел основу западных достижений лишь в безудержной экспансии, колониализме, эксплуатации стран "третьего мира". А о том, что Западная Европа стала обгонять Восток в развитии еще в первой половине II тыс., замкнутая в своих пределах [См.12], и почему это произошло, Ридевский не задумался. Потому – всё те же рассуждения, что за Западом нам не угнаться [10, с. 48]. И потому у нас – особый путь – не проедать накопленное ранее, как на Западе (?), а, освоив евразийские ресурсы, стать центром этого евразийского мира [10, с. 49]. Так кто (или что) ж мешает? Ведь сколько лет (и даже столетий) Россия и ее наследник СССР к этому стремились? Может, все же надо разобраться в причинах того, что "евразийский проект" (по Панарину) все еще остается в потенции, а наши западные соседи через трудности и кризисы все же развивают "свои проекты"? Кстати, и понимание причин успехов Западной Европы у Ридевского, как и вообще у "евразийцев" и других критиков Запада, весьма односторонне и далеко от реальности. Оно, скажем так, публицистично, эмоционально, потому что не научно.

Как известно, евразийство возникло в условиях краха старой России, неприятия как советских реалий, так и западного прагматизма, а также осознания неприемлемости и традиционного восточного пути. Но то было движение прежде всего общекультурное, не научное, в котором неприятие Запада исходило как бы из подсознания, из ментальности, да и обид эмигрантов за равнодушие к ним западного общества в 20-30-е гг. Однако, не предложив ничего продуктивного, оставшись на уровне благих пожеланий, оно затерялось в многообразии гуманитарных идей XX в. [См. 13-15]. Теперь, в условиях очередной необходимости определиться, евразийские идеи стали актуальными для тех, кто по разным причинам не воспринимает (или не знает) опыт западноевропейской истории и пытается найти, как средневековые алхимики, свой "философский камень" – идеальное сочетание всего мирового исторического опыта.

Но отвержение западных идей, как отмечает Б.С.Ерасов, уводит в азиатчину [16, с.115], в признание необходимости всеобщей зарегулированности (Краснов), авторитарного государственного устройства и "недостаточно миротворческой" внешней политики (Панарин [6, с. 74], призывах к ограничению потребления из-за экологических нагрузок [6, с. 70]. Последнее, впрочем, едва ли вызовет возражения, хотя, как кто-то выразился, призыв "назад, в пещеры – нереален; нас слишком много". А если серьезно, то аскетические призывы ограничить то, что облегчает хотя бы человеческий быт – утопичны. Скорее, надо добиваться создания более совершенных, природосберегающих технологий, что, как показывает современная практика, опять-таки под силу не только технически развитым, но и богатым обществам.

Но вернемся к заголовку статьи. "Третий путь", предлагаемый евразийцами, руководить прокладкой которого должна Россия по праву своего геополитического положения (с помощью незамутненной традициями Беларуси – по Краснову) все еще остается на уровне идеи. В этом он сродни идеям идеального общества, известным и в древности, и в средневековье, и позднее, но тоже нереализованным, хотя попытки построить рай на земле и предпринимались, от отдельных фабрик (Р.Оуэн) до целого государства (СССР).

Реальная же историческая практика проложила только два пути, один из которых (условно) восточный, выбрало большинство народов Земли. Другой (западный), первоначально избранный немногими, после многочисленных извилин и ухабов оказался пригодным для более быстрого движения. Оставив футурологам и фантастам рассуждения о том, какой из этих путей ведёт к Храму и что ждет путников за очередным поворотом истории, обратимся к несущим элементам их конструкций.

II

Учитывая объем статьи, отсылаю читателя к некоторым моим публикациям о специфике развития цивилизаций [17; 18]. Здесь же выделю основные особенности названных путей.

Но, поскольку, как неоднократно уже отмечалось, концепции многих авторов опираются прежде всего на их политические воззрения, к оправданию которых привлекаются специально подобранные исторические факты, начну с формирования собственных воззрений, сложившихся не априори, а наоборот, под влиянием исторических штудий. Они формировались еще на заре моей карьеры медиевиста, во второй половине 70-х г.г., из желания понять причины различий в темпах и формах исторического развития Запада и Востока Европы. Как археолог, изучавший материальную культуру древних и средневековых европейцев еще со студенческой скамьи, знал об идентичности хозяйственного, бытового и социального уровней индоевропейского населения Европы, установившихся еще в ходе его расселения в бронзовом веке.

В процессе освоения европейских просторов (от побережья Северного моря и Скандинавии на западе и севере до Поволжья и Причерноморских степей на востоке и юге) формировались многообразные по этнографическим и лингвистическим особенностям, но близкие по основным жизненным параметрам археологические земледельческо-скотоводческие культуры. Из них уже в железном веке образовывались кельтские, иллирийские, фракийские, германские, славянские и балтские племена. В течение второй половины I тыс. до н.э. одни из них восприняли и развили достижения античной цивилизации (иллирийцы), другие к началу новой эры испытали влияние провинциально-римской культуры (кельты, фракийцы, южные германцы), третьи (северные германцы, славяне, балты) развивались практически без внешних импульсов [См. 19; 20].

Но гибель римской империи в середине I тыс. н.э. и поглощение большинства ее территорий варварским миром (прежде всего германцами) способствовали установлению хозяйственного и культурно-бытового однообразия практически на всей территории лесной зоны Европы (от Атлантического побережья на западе до Поволжья на востоке). Отличия были лишь в более мягком климате на западе и в некоторых элементах римских государственно-правовых представлений у родо-племенной знати среди разгромивших Западную римскую империю германцев. Уровень же хозяйственного развития: земледелие, ремесло, торговля, бытовые условия (жилища, планировка и размещение поселений) и семейные отношения земледельческого населения Западной и Восточной Европы (прежде всего у германцев и славян) до конца I тыс. оставались на одном уровне [21-23, с. 51-56]. То есть, вопреки нередко встречающемуся утверждению об отличиях славянских и германских (на 500 лет в динамике развития, как писал, например, Ридевский [10, с. 47]), до конца I тыс. н.э. хозяйственная жизнь и бытовые условия славян и германцев были примерно аналогичны. Почему же потом и темпы, и направления их развития разошлись?

Ответ на этот основополагающий и злободневный вопрос можно найти путем

сопоставления социальных структур у славян и германцев в динамике их развития. Результаты такого компаративистского анализа однозначно свидетельствуют о различиях в форме земельной собственности, о раннем, ещё с первых веков новой эры формировании у германцев под влиянием природной среды частных прав на землю каждой свободной семьи (так называемый аллод). Представления о таких правах были у германского населения закреплены в ходе завоевания западноримских провинций и восприятия норм римского права. В славянском же обществе под воздействием более суровых природных условий (большая, чем на западе, лесистость, меньшая продолжительность теплого периода в году) создались условия для сохранения коллективных форм землепользования. У западных, центральноевропейских славян под влиянием западноевропейских феодальных институтов земельная частная собственность стала возникать в начале II тыс. н.э. [22, с. 707-708; 23, с. 51-56; 24, с. 151-152; 25-28]. У восточных славян, не имевших прямых связей с Западной Европой, зато испытывавших постоянное давление восточного кочевого мира, надолго сохранилось общинное землепользование, характерное для Востока, о чем, как известно, писал и К.Маркс [29].

Причины длительного существования у народов Азии и Африки (и Америки до прихода туда европейцев) коллективных форм владения и эксплуатации земли, мало изменившихся на протяжении более чем трёхтысячелетней истории цивилизаций Востока, многократно и всесторонне исследованы историками. Так что нет ни возможности, ни нужды ссылаться на конкретные работы. Уже общим местом в современной науке стали выводы о решающем влиянии географических условий на консервацию по сути архаических форм землепользования. Коллективного владения и совместного труда на земле требовала необходимость ирригации в каждой земледельческой цивилизации Востока. Такая организация труда и владения вела к централизации управления и монополизации прав на землю у правителей. Последнее рождало деспотическую власть, характерную для всех восточных обществ. Соседство с кочевым миром и необходимость постоянной и дорогостоящей защиты от него еще более укрепляло централизацию и единоначалие [См.30].

По такому же пути начинали развиваться и первые государственные образования Европы – Эгейское общество в Восточном Средиземноморье во II тыс. до н.э. Однако затем небольшие пространства Древней Греции при ограниченных возможностях для земледелия, но благоприятных условиях для ремесел и торговли (удобные морские коммуникации, необходимость кооперации и разнообразия хозяйственной деятельности) способствовали индивидуализации труда. Потребности в централизации, как на Востоке, здесь, в ограниченных горами агломерациях, не сложились [31]. В результате появилась индивидуальная, частная собственность на все виды имущества, в том числе и на землю. Последнее породило формирование таких законов и такой политической культуры, которые бы обеспечивали равные права всем многочисленным собственникам из числа свободных. Так на базе античной частной собственности родилась демократия. Сложившиеся в Древней Греции отношения распространялись на Древний Рим, в котором сформировалась республиканская форма политического устройства и соответствующее ей знаменитое римское право с четкой проработкой имущественных и юридических прав личности – свободных собственников [см. подробнее 32]. Так сложилась высокоразвитая античная цивилизация.

Но в начале I тыс. н.э. разросшийся до огромных размеров Рим превратился в империю. Логика управления столь обширной территорией и кризис рабовладельческого хозяйства потребовали централизации и элементов деспотизма на восточный манер. Что и способствовало гибели западной части империи. Восточная ее часть – Византия – сохранилась, но с восприятием многих восточных черт.

Однако затем, в средневековой Западной Европе в силу отмеченной выше, формировавшейся еще в начале новой эры частной собственности на землю, уже на новой основе стали возникать специфические черты: хозяйственная и политическая самостоятельность собственников, основанная на частном праве и договорных отношениях. Государственная, монархическая власть не стала в этих условиях монополистом на основной источник существования - землю. Множественность собственников породила возрождение в городах, а затем и в государствах, демократических, республиканских форм правления. От них – парламентаризм, диалог между сословиями...

Таким образом, человечество почти за пять тысячелетий своей истории сумело найти только два пути развития. Причем основным, по которому пошло большинство народов, оказался так называемый восточный, построенный на преобладании государственной собственности на землю и деспотическом правлении. Так называемый западный путь, возникший первоначально на средиземноморской периферии древних цивилизаций, а затем возрожденный и развившийся в Западной Европе, долгое время охватывал столь малую территорию и население, что его можно считать неким зигзагом истории, сложившимся благодаря исключительному стечению прежде всего географических и хозяйственных обстоятельств.

Поскольку на обоих этих путях человечество испытало и испытывает массу неудобств и несправедливостей, пытливые умы уже в древности пытались придумать более правильные порядки. Но выводимые из головы, основанные на абстрактной логике, они ни к чему путному так и не привели. Почему? Не потому ли, что они исходили из умозрительных истин и не учитывали человеческую природу, которую, думается, более реалистично представляли средневековые западноевропейские католические мыслители уже в XII-XIII вв. Один из наиболее видных из них, Фома Аквинский, опираясь не только на доводы Аристотеля о пользе раздельного владения имуществом, но и на здравый смысл, прямо писал: человек более прилежен, когда работает на себя, а не на общину. Конечно, в этом проявляется греховность человека, но она неизбежна в земном, греховном мире [33].

III

Какой же путь предпочтительнее теперь?

Представляется, что исторический опыт однозначно показывает, какой из путей быстрее создал условия для благополучия большинства. И отсчет времени, с которого Западная Европа стала обгонять в экономическом и политическом развитии Восток, надо начинать не с колониальных захватов европейцев, а с появления западных свободных городов с элементами рыночной экономики и демократическими структурами в управлении, то есть с XII-XIII вв. Именно тогда, опираясь **исключительно** еще **на свои внутренние ресурсы**, западные европейцы начали обгонять Восток в технических и организационных отношениях. В.А.Мельянцева назвал это эффектом раскованного Прометея, высвобождением энергии свободного труженика [12, с. 21]. Восточный же путь с исторически обусловленным жестким подчинением основного источника существования – земли, а значит и личности производителей, единоличной власти, как бы застопорился в своем развитии и не сумел создать условия для ответа на технический вызов Запада. Подробно причины отставания экономики и культуры Востока рассмотрел Д.Е.Еремеев [34].

Таким образом, корни современных противоречий Запада и Востока не в экспансионизме первого. Это – следствие застоя Востока, заметного уже с XIV-XV в.в. Или, как писал А.Г.Франк, причины подъема Запада надо искать в упадке Востока [35, с. 27].

Более детальный сравнительный анализ исторического опыта движения по обоим путям общественного развития, невозможный, однако, в рамках данной статьи, позволит, надеюсь, ответить и на другие актуальные для нас вопросы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Бродский И.** Форма времени. – Мн., 1992. Т.2.
2. **Панарин А.С.** Цивилизационный плюрализм или европоцентристский мо- низм // Восток. – № 4.
3. **Краснов Ю.** Миссия Беларуси в современном мире и новые функции образования // Молодые гуманитарии Беларуси. – Мн., 1995.
4. **Карсавин Л.П.** Восток, Запад и русская идея // Историк-медиевист Л.П.Кар- савин. – М., 1991.
5. **Белелюбский Ф.Б.** Существует ли модель всеобщей истории // Проблемы Дальнего Востока. – 1991, № 4.
6. **Панарин А.С.** Евразийский проект в микросистемном контексте // Восток. – 1995, № 2.
7. Восток. – 1996, № 1.
8. Цивилизации в “третьем мире” // Восток. – 1992, № 3.
9. **Алаев Л.Б.** Наука и политика или наука для политики? // Восток. – 1996, № 4.
10. **Ридевский Г.В.** Расселение славян раннего средневековья и уроки исто- рии (взгляд географа) // Магілёўская даўніна. – 1997, № 5.
11. **Риер Я.Г.** Географ на уроке истории // Там же.
12. **Мельянцева В.А.** Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение. 1993.
13. **Игнатов А.** “Евразийство” и поиск новой русской культурной эдентичности // Вопросы философии. – 1995, № 6.
14. **Люкс Л.** Евразийство // Там же. – 1993, № 6.
15. **Хоружий С.С.** Карсавин, евразийство и ВКП // Там же. – 1992. № 2.
16. **Ерасов Б.С.** Цивилизационная теория и евразийские исследования: Опровержение опровержений // Восток. – 1996, №4.
17. **Рыер Я.Р.** Да метадалогіі новых падыходаў выкладання гісторыі сярэдніх вякоў у беларускай школе // Магілёўская даўніна. – 1994.
18. **Рыер Я.Г.** Очерки историй средневековых цивилизаций. – Могилев, 1997.
19. **Монгит А.Л.** Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. – М., 1974.
20. **Седов В.В.** Славяне в древности. – М., 1994.
21. **Рыер Я.Р.** Гаспадарчае развіццё ва Ўсходняй і Цэнтральнай Еўропе ў другой палове I тыс.н.э.: параўнаўчы аналіз // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мн., 1997, №11.
22. **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Herausbildung und Festigung des Feu- dalismus in Mitteleuropa // Zeitschrift für Archäologie. – 1983 Jg.31, H.8.
23. **Bentzien U.** Bauerarbeit in Feudalismus.-Berlin, 1980.
24. **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7. bis 12. Jahrhundert. – Berlin, 1980.
25. **Braschmann H.** Slawische Stämme an Elbe und Saale // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. – Berlin, 1978, Bd.32.
26. **Трешетник Д.** Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефео- дальных славянских государств и народностей. – М., 1987.

27. **Риер Я.Г.** К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // Российская археология. – 1996, №1.
28. **Рыер Я.Р.** Грамадскія адносіны ў сярэднявечнай Цэнтральнай Еўропе па археалагічных даных // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мн., 1997, № 12.
29. **Маркс К.** наброски ответа на письмо В.Засулич // К.Маркс, Ф.Энгельс, Соч., т.19.
30. **Васильев Л.С.** История Востока. – М., 1994, т.1.
31. **Коротков А.В.** Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. – 1995, №3.
32. **Павленко Ю.В.** Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. – Киев, 1989.
33. **Кудрявцев О.Ф.** Естественное право и собственность // Природа в культуре Возрождения. – М., 1992.
34. **Еремеев Д.Е.** Почему Восток отстал от Запада // Азия и Африка сегодня. – 1989, №№7, 9, 11.
35. **Франк А.Г.** Формационные переходы и мифологемы способов производства // Восток. – 1992, №2.